

ЛАНДЫШИ, ПРИНОСЯЩИЕ СМЕРТЬ

Марина Капранова

16+

Отвяжись, плохая жизнь

Марина Капранова

Ландыши, приносящие смерть

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Капранова М.

Ландыши, приносящие смерть / М. Капранова — «ЛитРес: Самиздат», 2017 — (Отвяжись, плохая жизнь)

Молодая девушка, Арина Соболева, получает диплом педагогического университета. Разочаровавшись в любви и дружбе, она уезжает преподавать в дальнее сибирское село. Здесь она повстречает настоящую любовь. Девушка, помимо своей воли, становится участницей событий, развернувшихся вокруг убийства школьного библиотекаря Танеевой Анны Александровны и императорского пасхального яйца Фаберже "Ландыши". Только как, в глухой сибирской деревеньке, появилась такая ценная ювелирная вещь...

Марина Капранова

Ландыши, приносящие смерть

Арина проснулась от дождя, глухо стучащего по карнизу за стеклом. За окном медленно, но верно светало. Сумерки рассеивались, растворялись во влажном воздухе, передавая черёд пасмурному утру. Подниматься было рано, но сон больше не шёл. Как ни старалась девушка хоть ещё ненадолго попасть в объятия Морфея, всё было тщетно.

Вчера Арина наконец-то решила и взяла билет на скорый поезд до Новообска, далекого сибирского городка. На столе стоял собранный, раскрытый чемодан: утром надо не забыть положить зубную пасту и щётку. Путь долгий, трое суток в плацкартном вагоне. Девушка намеренно взяла билет в плацкартный вагон. Не хотелось находиться в замкнутом пространстве купе, где за долгую дорогу попутчики становятся словно родственники и знают друг о друге практически всё.

В голову девушке лезли навязчивые воспоминания о пролетевшем детстве и проскочившей, словно резвый конь, юности. Арина уныло улыбнулась себе, подумав, что рассуждает как древняя матрона, повернулась набок, и мысли медленно и ровно потекли дальше.

Вот она студентка педуниверситета, престижный исторический факультет. Ура! Ура! Ура! Мама не сомневалась, что дочь успешно справится с вступительными экзаменами. Но Арина знала некоторые пробелы в своих знаниях, так же как и запомнила навсегда одну важную вещь, которую ей как-то поведала школьная учительница истории Евдокия Семёновна, когда девушка задержалась после урока в кабинете истории:

– Клио – древнегреческая муза, покровительница истории, никогда до конца не развернёт свой папирусный свиток, даже для любящих её учеников и поклонников. В нашем несовершенном мире невозможно знать всё, а уж такую науку, как история, постигнуть в совершенстве не дано никому. Но это совсем не значит, моя прилежная ученица, что ты должна останавливаться на достигнутых знаниях. Может, ты сможешь, покоришь своим рвением Клио, и она развернёт для тебя хотя бы один исписанный виток папируса, и ты сумеешь узнать то, что не дано другим.

Арина поправила угол свалившегося с плеча одеяла и постаралась лечь комфортнее в кровати.

В памяти всплыл Алексей. Он появился в её жизни как затмение, ураган, наркотик. Мечта, можно сказать, почти каждой девушки: высокий, стройный, большие карие глаза под чёрными бровями. Она в своих самых тайных грёзах мечтала о нём не могла. В университете Алексей появился на четвёртом курсе, переводом из другого города. И вот, на пятом курсе, после поздравления девушек группы с Международным женским днём, молодой человек сам вызвался проводить Арину из кафе до дома. Родители были на даче, и девушка пригласила Алексея на чашечку кофе. К большой радости девушки, Алексей не отказался. Вот тут-то у них всё и завертелось. И всё было замечательно, так, по крайней мере, казалось Арине, пока однажды девушка не застала его со Светкой, которую считала близкой подругой и делилась с ней самым сокровенным. Счастье оказалось недолгим.

Так больно ей не было даже в восьмом классе, когда её угораздило влюбиться в белобрысого, бесшабашного Генку, живущего в соседнем подъезде. Генка был страшным хулиганом, учился кое-как в десятом классе, Арине он казался взрослым и независимым. Она как-то слышала, как мать Генки жаловалась её маме:

– Ой, Наталья Анатольевна, я так боюсь, что мой оболтус не закончит десятый класс. Вляпается в какую-нибудь неприятную историю, и его отчислят из школы.

Любовь прошла в одночасье.

Однажды Арина из благих побуждений предложила Генке подтянуть его по истории и русскому языку, ну а Светка поможет с математикой. Взъерошенный, как обычно, Генка смеялся Арину презрительным взглядом с ног до головы так, что девушке бросилась кровь в лицо. Парень не ожидал такой реакции, и, не зная, как отреагировать на смутившуюся Арину, Генка обозвал её «всякой малявкой», которая зачем-то лезет в его дела, и, увидев, что у девушки навернулись на глаза слёзы, добавил:

– Шуруй отсюда, сушёная вобла.

Тогда Светка доказала, что она настоящая подруга. Она набросилась на хулигана с кулаками, но тот сумел увернуться и юркнул в подъезд. А Арина не смогла скрыть слёз и разрыдалась прямо на улице. Светка, как могла, старалась успокоить её.

Анализируя по прошествии лет свои чувства, Арина поняла, что это была не любовь, а жалость к хулигану, которого все отфутболивали и ругали. Но тогда ей казалось, что жизнь закончилась, так толком и не начавшись.

Со Светкой Арина дружила с самого детского сада. Все школьные годы подруги просидели за одной партой и в педуниверситет поступили вместе. Только у Светки была склонность к точным наукам, и она выбрала математический факультет.

Росла Светка в многодетной семье, у неё был старший брат Артём и младшая сестра Галюня. И Арина иногда по-доброму завидовала Светке: у них в доме всегда было шумно и интересно. А Арина у мамы с папой была одна. Родители постоянно были на работе, и долгими одинокими вечерами, ожидая, когда родители вернутся, девушка запоем читала историческую литературу.

Арина повернулась с бока на спину и прошептала:

– В один миг потерять близкую подругу и любимого человека. Как дальше жить? Кому доверять?

Воспоминания неспешно потекли дальше. После разбившейся на мелкие осколки любви к Алексею Арина вся погрузилась в дипломную работу. Она понимала, что невозможно собрать то, что физически не собирается, а если даже и собирается, ну только предположить, что собирается, оставляет страшные, шероховатые трещины, которые не затянет даже время.

Защита дипломной работы прошла замечательно. И вот она дипломированный учитель истории. За лето надо найти работу, но где и как? В городскую школу идти не хотелось. Хотя на руках была достойная рекомендация от педуниверситета и найти работу не составляло труда. Мама не вмешивалась в дела дочери, и Арина была благодарна ей за это.

– Думай сама, – сказала она дочери, так и не получив от неё вразумительного ответа по поводу работы. – Тебе жить. Я не хочу на тебя давить и не хочу, чтобы потом во всех неудачах, которые могут на тебя свалиться, ты обвиняла меня.

Папа, приобняв девушку за плечи, поддержал мать:

– Да, дочка, решение за тобой. Но что бы ты ни решила, знай, мы всегда будем на твоей стороне, и ты всегда можешь на нас положиться.

Арина так и не определилась, что её интересует в профессии: преподавательская деятельность или исследовательская. А искать то, сама не знаю что, глупо.

И тут позвонила Нюра, подруга детства. Жила Нюра в Новообской области, куда Арина каждое лето приезжала гостить к тётке – родной сестре мамы. Нюра преподавала девочкам старших классов домоводство. Она после короткого, но содержательного рассказа о себе и последних новостей села Боровиково сообщила, что у них в сельской школе проблема, в этом учебном году нет учителя истории, и предлагала рассмотреть эту должность. Ну чем не запасной аэродром? Но на этом предложении Арина не заикливалась, думая, что всё-таки к концу лета сумеет найти что-нибудь стоящее.

Лето пролетело быстро. А Арина так и не смогла найти подходящую работу. Честно признаться, сильно и не стремилась оставаться в городе, где впервые по-настоящему столкнулась с предательством.

Вчера девушка позвонила Нюре. Уже конец августа, а учителя истории у них до сих пор нет. И она решилась: судьбу буду менять бесповоротно.

За окном совсем рассвело. Вылёживаться больше не хотелось. Арина потянулась, откинула одеяло, прошла на кухню и включила чайник. Чайник весело засипел, подпевая ветру за окном. Арина выглянула в окно, дождь закончился, ветер посрывал с деревьев начинающие желтеть листья, которые беспорядочно валялись по всей дороге в лужах. Мурлыкая ненавязчивую мелодию, она прошла в ванную, умылась и взглянула на себя в зеркало. Из зеркала на неё посмотрела зеленоглазая девушка, с пышными, слегка вьющимися русыми волосами до плеч. Из приоткрытых пухлых губок виднелся ряд ровных белых зубов.

Арина вдруг вспомнила слова тёти Тани:

– В тебе, Аришка, чувствуется порода.

О какой породе говорила тётка, Арина до сих пор не поняла. Ей казалось, что её миловидное личико портил слегка курносый нос.

Арина, на ходу вытирая лицо мягким, пушистым полотенцем, прошла в комнату, положила в чемодан зубную пасту и щётку и захлопнула крышку.

На кухне, словно по команде невидимого командира, отключился чайник, приглашая на чашечку кофе с молоком, конечно же, без сахара. Арина быстро проглотила бодрящий напиток, сегодня некогда было смаковать и наслаждаться запашистым, терпким кофе, залезла в тесные голубые джинсы, белую футболку, обула старые, но такие удобные кроссовки и заранее поехала на железнодорожный вокзал.

Железнодорожный вокзал встретил Арину суетой, уставшими лицами утомившихся людей, негромким, словно перекатывающимся бурлением переговаривающихся пассажиров, плачем и смехом детей. Взгляды уезжающих, провожающих, встречающих притягивало табло с расписанием поездов. Арина намеренно попросила родителей не провожать ее на вокзал, не любила она долгих проводов с детства, когда у мамы беспрестанно наворачиваются слезы на глаза, она дает бесполезные, прописные наставления, а папа постоянно кричит, пряча волнение в нарочитом кашле...

«Вот и мой шестьдесят девятый, – про себя отметила Арина. – Так, мне на четвёртый путь», – она легко подхватила чемодан и по извилистому коридору отправилась к четвёртому пути.

Девушке досталась боковая нижняя полка. Но она была рада этому обстоятельству. Арина была словно изолирована от попутчиков, можно целыми днями сидеть, уткнувшись в книгу, или изучать плавно проплывающий за окном поезда пейзаж.

В начале пути с ней хотел познакомиться долговязый парень с верхней полки, в очках, которые он постоянно нервно снимал и тогда подслеповато щурил глаза. Но Арина смерила его таким надменным взглядом, что парень больше не решился заговорить с ней.

Все трое суток девушка прожила так, как хотела: запоем читала новый исторический роман или подолгу смотрела в окно, где мелькали станции, крохотные деревушки и смешанный лес с подёрнутыми лёгкой желтизной берегами.

До районного посёлка Орловское Арина добралась сама. В Орловском девушка не была уже пять лет и отметила, что районный посёлок за это время очень изменился. В поселке появились новые постройки, в основном это были супермаркеты, а сам посёлок стал чище и уютнее. Кстати, три года назад тетя Таня из села Боровиково переехала в районный посёлок.

Но Арина о своём приезде родной тётке не сообщила. Не хотела отвечать на настойчивые расспросы тёти Тани, правду рассказывать пока было слишком больно, а врать Арина не хотела, да и не умела.

Аринино внимание привлекла «Нива» вишнёвого цвета, автомобиль остановился напротив автовокзала. И из него, о чудо, легко и грациозно выпрыгнула Нюра и бросилась к девушке:

– Аришка Соболева, какая ты стала красавица! Ну прямо-таки модель!

– Да тебя, я вижу, семейная жизнь тоже не испортила, – парировала Арина, смущаясь и обнимая подругу детства.

Нюра была замужем за деревенским парнем Константином, который работал механизатором в селе Боровиково. В свои двадцать шесть лет Нюра была счастливой мамой двоих детей. Четыре года назад у них с Константином родился сын Антошка, маленькой Насте было полтора года. Нюра, работая в школе, неустанно заботясь о своей большой семье, ещё параллельно успевала заочно получать высшее педагогическое образование. Из неуклюжей худышки, какой помнила подругу Арина, Нюра превратилась в аппетитную пышку с короткой, под мальчика, стрижкой тёмных волос.

Из машины степенно и вальяжно вышел коренастый, круглолицый, светловолосый Константин, сдержанно поздоровался с Ариной, взял чемодан и аккуратно и неторопливо стал укладывать его в багажник автомобиля.

От районного посёлка до Боровиково по щебёночной трассе двадцать пять километров. Дорога была вся в выбоинах и кочках, словно стиральная доска, но Арину это обстоятельство ничуть не пугало и не расстраивало, она с удовольствием смотрела в окно автомобиля, вспоминая забытые, но такие родные и знакомые места. Некоторое время ехали молча, подруга понимала состояние Арины и не хотела тревожить ее расспросами, докучать разговорами.

Наконец, проехав в тишине полпути, изнывая от желания общаться, Нюра не выдержала молчания и легонько тронула подругу за руку, предложив:

– А знаешь что, давай-ка я тебя заочно с нашим педколлективом познакомлю, ну и с работниками школы тоже.

Арина в знак согласия легонько утвердительно махнула головой. За неторопливой беседой не заметили, как въехали в Боровиково. Костя за всю дорогу не проронил ни слова, только изредка мельком бросал спокойный взгляд в зеркало, где отражались девушки, мирно сидевшие на заднем сиденье автомобиля.

Село Боровиково состояло из одной главной зелёной улицы с красивым названием Лесная. Село расположилось в живописном, экологически чистом месте, на самой кромке соснового бора. Бор без усталости кормил всех жителей села практически круглогодично ягодами, грибами, дичью. С ранней весны до поздней осени сельчане ходили в лес, сезон начинался со сбора полезного берёзового сока, который запасали целыми флягами. А какой получался вкусный квас, поставленный на берёзовом соке, просто объедение! И заканчивался сезон сбором последних осенних грибов – опять. А вот поздней осенью открывался сезон охоты на мелкого зверя, с одной стороны азартное развлечение для заядлых охотников, с другой стороны – полезный диетический продукт для семейных кладовых.

От Лесной улицы отходили маленькие улочки, которым даже названия не дали. Улочки назывались просто: Первый переулочек, Второй переулочек... Всего было двенадцать переулочков. Тётя Таня когда-то жила в Девятом переулке. Нюра пока жила в Третьем переулке, с мужем, двумя детьми и родителями Константина. Молодая семья строила собственный дом в Девятом переулке, новый, добротный дом, мечта каждого деревенского жителя, и к зиме собирались съехать от родителей мужа.

Машина Кости медленно остановилась во Втором переулке, возле небольшого, аккуратного деревянного дома с резными наличниками. С первого взгляда было видно, что дом оби-

хаживают заботливые руки хозяина, двором и цветниками занимаются не менее заботливые руки хозяйки.

– Вот здесь пока поживёшь, у Сальниковых, – медленно растягивая слова, произнесла Нюра, легко выпрыгивая из машины и потягиваясь. Хотя и недолгая дорога, но все же ухабы и колдобины не дают телу расслабиться, того и гляди шишку набьешь или синяк посадишь. – Тётя Клава, хозяйка дома, комнату сдаёт. Хозяин дома – Роман Семёнович – лесник, и большую часть времени проводит в своих лесных владениях.

Константин степенно вытащил чемодан из машины, открыл деревянную калитку, галантно пропустил девушек, и, подойдя к дому, поставил чемодан на крашеное крыльцо. Дверь дома, аккуратно выкрашенная свежей зелёной краской, была подпёрта метёлкой.

– Так... Дом не на замке, значит, хозяйка в огороде или к соседям ушла, – пояснила Нюра, озираясь по сторонам и соображая, в каком краю искать тётю Клаву.

Арина огляделась: вдоль дорожки, ведущей к крыльцу, обильно цвели георгины. Много цветов было и под окнами дома. Немного поодаль от крыльца рос большой, ветвистый куст рябины. Верхние ветки высокого дерева, богато усыпанные кистями красной ягоды, опускались на крышу дома. Нижние ветки не могли выдержать изобилия и склонились до самой земли.

Из-за угла дома вышла высокая, плотная женщина лет пятидесяти пяти – пятидесяти восьми. Косынка, повязанная по самые брови, полностью скрывала волосы женщины. Изогнутые дугой брови выразительно подчёркивали добрые, пытливые глаза. В руках она держала кочан свежесрубленной капусты, на срезе кочерыжки выступили влажные, чистые, аппетитные капельки.

– Здравствуйте, тётя Клава, – поприветствовала радостно Нюра женщину, обрадовавшись, что не надо её куда-то идти искать.

– А я слышу, машина подъехала, вроде как ко мне, – вместо приветствия отозвалась тётя Клава. Она внимательным взглядом пробежалась по Арине, как-никак придётся какое-то время жить под одной крышей. Клавдию Захаровну еще несколько дней назад директор школы попросила приютить девушку, а что она – конечно с радостью, вдвоем-то веселее. Но всё же присутствует некое волнение, а вдруг характер у новой жилички окажется несносным. Женщина украдкой вздохнула, привычным движением убрала метлу и открыла дверь: – Ну что же вы, проходите, – пригласила хозяйка гостей, первой заходя в сени дома.

Нюра, торопливо следуя за хозяйкой, пояснила:

– Мы пока только чемодан оставим, нам в школу ещё забежать надо.

Двухэтажное здание школы находилось на главной улице села Боровиково. Большие окна общеобразовательного учреждения выходили на дорогу, в них багровыми отблесками отражалось вечернее солнце. Старая шиферная крыша придавала зданию некую угрюмость и визуально старило постройку.

Большая территория школы, усыпанная густо растущей травой-муравой, была аккуратно подстрижена. Среди короткой щетинки травы от ворот до самого крыльца петляла натоптанная тропинка. В глубине школьного двора стоял ухоженный памятник Неизвестному Солдату. Вокруг памятника были заботливо разбиты цветочные клумбы. В стороне от школьного крыльца располагалась котельная, у самой двери котельной была навалена свежая куча угля. Кочегары, перемещавшие лопатами уголь под крышу сарая, увидев незнакомку, остановились передохнуть и без стеснения, в упор разглядывали приближавшуюся девушку.

Подруги неторопливо вошли в здание школы, Арина огляделась. Ей неоднократно приходилось с Нюрой бывать в этом здании, когда они сами были еще ученицами. Про себя девушка отметила, что здесь практически ничего не изменилось: те же ужасные синие панели стен, шероховато выкрашенные густой масляной краской, и старый, обшарпанный деревянный пол, который не мог закрасить даже толстый слой все той же масляной, правда, в данном случае

коричневой, краски. За столом напротив двери сидел неизменный сторож. Правда, в то далекое время, когда девчонки забегали в школу, на этом же самом месте сидела строгая тетя Глафира.

Арина приветственно кивнула головой и, вспомнив, как описывала, сидя в машине, дядю Васю Нюра, улыбнулась, настолько точное было описание: «Дяде Васе под шестьдесят. Но он ещё о-го-го. В молодости был страшным бабником, да так и не заметил, как старость подкралась. В результате ни жены, ни детей нет. Правда, ходят слухи, что есть внебрачные дети. Так пойдёшь, докажи, ни одного из них он официально не признал. Стоит зайти в школу незнакомому человеку – дядя Вася тут же из ящичка стола достанет коробочку из-под сигар, вытащит из коробочки единственную сигару, осторожно помнёт её пальцами, понюхает, прикрыв от удовольствия глаза, и тут же вернёт всё на место. Откуда появилась у него эта коробочка с сигарой, никто не знает».

– Дядя Вася, – обратилась к сторожу Нюра. – Лариса Петровна у себя?

– Да, – ответил дядя Вася, внимательно разглядывая Арину. – Только у них там какое-то совещание.

– Хорошо. Спасибо, – отозвалась Нюра и потянула Арину за руку, приглашая пройти к лестнице.

Поднялись на второй этаж. Стены школьного коридора пестрили информацией. На второй двери от лестничного пролёта висела табличка: директор. Дверь в кабинет была приоткрыта, из-за нее доносились голоса.

Нюра приоткрыла дверь кабинета посильнее и спросила:

– Лариса Петровна, можно?

– Нужно! – ответил властный женский голос.

Девушки вошли в просторный кабинет директора. За длинным столом сидели педагоги. Все дружно повернулись в сторону вошедших девушек.

– Замечательно, – произнесла директор, завидев Арину. – Спешу представить вам учителя истории, Соболеву Арину Владимировну. Прошу любить и жаловать... Ну, а с нашими педагогами, – уже обращаясь к Арине и приглашая рукой садиться, продолжала громко говорить Лариса Петровна, – познакомьтесь в процессе работы... Итак, уважаемые коллеги, продолжим...

За столом были свободные места, но девушки предпочли сесть на стулья у стены. Арина с интересом, открыто обвела взглядом педагогов и в очередной раз улыбнулась, вспоминая, как Нюра описывала коллег:

– Итак, Лариса Петровна, слегка полноватая, одинокая женщина в строгом костюме, трудоголик. У неё стойкое убеждение: работа должна быть всегда на первом месте.

Заместитель директора по учебной части Ксения Алексеевна, тридцати лет от роду, высокая, страшная сладкоежка, с очень пышными формами.

Учитель географии Владимир Иванович, темноволосый, спортивного телосложения. И его жена Зоя Карловна, учительница математики, среднего роста натуральная блондинка немецкой внешности, с тугой шишкой волос на голове и плотно сжатыми тонкими губами. Страшная зануда, всем и всеми всегда недовольна. Вот и сейчас она сидела, плотно сжав губы, нахмутив брови, и внимательно слушала директрису. Супруги Гордеевы были одного возраста, им по сорок лет.

Лилия Николаевна, учительница русского языка и литературы, очень медлительная женщина сорока восьми лет, любящая носить в любую погоду разноцветные шали.

Ольга Семёновна, учительница биологии и химии, многодетная мать-одиночка, постоянно везде опаздывающая, всегда в слегка помятой юбке и блузке.

Физрук Игорь Андреевич, двадцати пяти лет от роду, маменькин сынок, очень начитанный, на людях хочет казаться воспитанным и страшный чистюля, – последнее слово Нюра

произнесла с чувством брезгливости, словно физрук был не чистюлей, а наоборот, страшным грязнулей.

«У него всегда блестят кроссовки, словно он их вазелином натирает», – вдруг вспомнила Арина и посмотрела на кроссовки физрука, которые на самом деле блестели. А ещё у него есть мечта: дорогой автомобиль.

– Вы согласны со мной, Анна Борисовна? – услышала Арина голос директора.

Девушка поискала глазами, к кому обратилась Лариса Петровна, и вдруг поняла, что Анна Борисовна – это Нюра.

– Да, Лариса Петровна, я думаю, что девочки выпускного класса смогут поучаствовать в данном проекте, – ответила уверенно Нюра.

«Итак, – продолжала изучать коллектива Арина. – Любовь Ивановна, учительница начальных классов, преклонного возраста женщина с редкими крашенными в рыжий цвет волосами»...

– Арина Владимировна, – услышала издали голос девушка и посмотрела на Ларису Петровну. – Завтра на месте будет Анна Александровна, библиотекарь, вы сможете получить учебники и приступить к занятиям, – обратилась к девушке директор.

– Да-да, конечно, – ответила Арина немного рассеянно.

– Все свободны, до свидания, – отпустила педагогов Лариса Петровна.

Учителям дважды повторять было не нужно, все дружно встали из-за стола и потянулись к выходу. Нюра посмотрела на подругу уставшими глазами и просительно произнесла:

– Давай я тебе завтра экскурсию по школе устрою, что-то сегодня совсем сил нет.

Арина согласно кивнула головой и улыбнулась.

Подруги вышли из здания школы и неторопливо направились в сторону дома. Вскоре Нюра свернула в свой Третий переулок, а Арине предстояло пройти некоторое время по главной улице, чтобы свернуть в свою улочку. Из калитки частного дома выбежали мальчики и, обзывая друг друга, сцепились в драке. На одном мальчике затрещал пуловер, второй истошно орал, его волосы были крепко зажаты в руке противника. Потеряв равновесие, мальчики повалились на землю.

– Прекратите драться, что вы делаете? – испугавшись за мальчиков, Арина бросилась разнимать драчунов.

Мальчики, не обращая внимания на молодую девушку, лёжа на земле, бутузили друг друга что есть мочи. Из калитки дома выскочила женщина средних лет с прутом в руках.

– Ах вы, поганцы, паршивцы, опять за своё, – ругалась женщина, смачно хлестанув мальчишек прутом. Мальчишки завyli в голос, но встряска, полученная от матери, заставила их расцепиться.

– А ну-ка быстро домой пошли, вы оба наказаны, сегодня гулять не пойдёте, – продолжала воспитывать сыновей женщина, подпихивая орущих мальчишек к калитке. Те, размазывая грязными руками слёзы по щекам, подчинялись воле матери.

Арина наблюдала за мальчиками до тех пор, пока они не скрылись из виду.

Арину догнала полноватая женщина лет шестидесяти в очках и с корзинкой в руках, она приветливо улыбалась девушке.

– Здравствуй, Арина. С приездом, – и, видя, что девушка не узнала её, продолжила: – Я мама Костика, тётя Лиза, он тебя сегодня привёз.

– А-а-а-а, – протяжно издала звук Арина, не зная, как реагировать на женщину.

– Сорванцов разнимали? – поинтересовалась женщина, кивнув головой в сторону дома. – Мальчишки постоянно дерутся, но мать боятся, она с ними не церемонится.

Арина неопределённо пожала плечами, поправляя выбившиеся из заколки волосы.

– Я вот что тебе хотела сказать, – озираясь по сторонам, начала говорить почти шипящим шепотом женщина. – Нюра у нас страшная ревнивица, так что будь аккуратнее с Костиком. Он старается повода не давать, но Нюра всегда находит причину поскандальить.

Арина недоверчиво посмотрела на тётю Лизу, она никак не могла поверить в услышанное и, не зная, что ответить, промолчала. Женщина, не получив от девушки должной реакции на свои слова, разочарованно, суетливо поправила очки, быстро распрощалась и заторопилась по своим неотложным делам.

– Да, дела, – сворачивая в свой переулок, тихо и неопределенно произнесла Арина.

Тёти Клавды дома не оказалось, дверь опять была подпёрта метлой. Арина отодвинула метелку в сторону, приоткрыла дверь в сени и из сеней вошла в просторную кухню. Её взгляд уперся в записку, лежавшую на столе: «Ужинай, я скоро буду».

Нехитрый ужин был прикрыт вафельным полотенцем в яркий цветочек. Арина потянула за край полотенца, оголяя содержимое стола: вареная картошка, помидоры в миске, творожок в салатнице выглядели аппетитно, но есть девушке пока не хотелось.

Арина прошла в свою комнату и только сейчас почувствовала, как сильно устала. Девушка достала из чемодана полотенце и пошла умываться, еще днём на улице она заметила умывальник, прибитый к углу дома. После водных процедур она почувствовала себя легче, повесила полотенце на бельевую веревку, прибитую тут же к углу дома, и, зацепив его прищепкой, вернулась в дом.

В доме Арине показалось душно, отчего-то неуютно и грустно, в незнакомой обстановке не хотелось оставаться одной, хотелось на свежий воздух.

Девушка вышла на крыльцо, набросив на плечи палантин. Вечер выдался тихим и спокойным. Свежий, тягучий воздух обволакивал тело. В детстве она не раз испытывала здесь, в Боровиково, подобное ощущение. У своей родной тёти Арине всегда было комфортно, тепло и уютно. Ей казалось, что тётя Таня способна защитить её от всех невзгод и неприятностей. Это чувство спокойствия и умиротворённости всплывало всегда, стоило Арине только вспомнить о Боровиково. Вдруг почему-то вспомнилось, как всегда повторяла тётя Таня, если случались неприятности. И Арина тихо прошептала всплывшие в памяти слова: «Отвяжись, плохая жизнь, привяжись хорошая».

Неожиданно Арина почувствовала острую необходимость посмотреть на бывший дом тёти Тани, где проходили её счастливые детские каникулы. Она поправила на плечах бирюзовый палантин и, не раздумывая, направилась к калитке. Её чуткое, обостренное на свежем, пьянящем воздухе обоняние уловило запах вечерней красавицы, так тётя называла цветы матиолы. Запах детства – грустно вздохнула Арина и быстро вышла за калитку.

Пройдя неторопливо по главной улице, она свернула в Девятый переулок. В переулке расположились всего семь домов – три на одной стороне и четыре на другой. Вернее сказать, уже не четыре, а почти пять. Между третьим и пятым домом свободное пространство занял недостроенный сруб. Именно этот сруб будет будущим уютным домом Нюры и Константина.

Арина шла по знакомой дорожке спокойно и уверенно. Проходя мимо сруба, она услышала детское хныканье или писклявый плач зверька. Девушка остановилась, прислушалась, хныканье не прекращалось. Любопытство взяло верх, и она быстро свернула к недостроенному дому. К стене сруба была неуверенно прислонена старая, обшарпанная деревянная лестница. Арина быстро забралась на третью ступеньку хрупкой лестницы и заглянула в незастеклённое окно. В углу комнаты, на свежееобтесанном полу, на старой тряпке, свернувшись клубочком, лежала кошка в окружении четырёх недавно родившихся котят.

– Ну и что там? – услышала Арина резковато раздавшийся в тишине голос.

От неожиданности она вздрогнула, обернулась, нога соскользнула со ступеньки, и девушка полетела вниз. Арина ещё не успела ногами коснуться земли, как её приняли сильные и уверенные руки Константина. Девушка больно уткнулась носом мужчине в грудь. Она ещё

не осознала до конца, что произошло, как за своей спиной услышала раздражённый женский голос:

– Не успела приехать, уже к женатым мужикам в объятья кидаешься? А ты что вцепился в неё своими клещами?

Арина только сейчас сообразила, что её по-прежнему бережно поддерживает Константин, поспешила высвободиться из принудительных объятий и неловко оттолкнула мужчину. Она, отвернувшись, старалась непослушными руками поправить на плечах свалившийся палантин. В ту же секунду резкий звук пощёчины, прилетевшей мужчине, разрезал тишину улицы. У Арины от неожиданности, тяжёлого беспокойства и неотвратимости случившегося потемнело в глазах. Она только теперь поняла, что это была Нюра. В голове у неё пронеслось: «Я не виновата. Подруга, ты всё не так поняла».

Но вслух ничего не смогла произнести, развернулась и непослушными ногами, неуверенно побрела назад, кутаясь в спасительный палантин. Словно сквозь вату в ушах она слышала голоса супругов:

– Да я пошёл посмотреть, какой объём работы выполнили рабочие за день, а тут...

– Да, конечно, – перебила мужа Нюра. – Кто бы сомневался.

Ночь прошла беспокойно. Арина во сне от кого-то убегала и пряталась, но за её спиной слышались приближающиеся ужасные шипящие звуки. Тьма окутывала её чёрным страшным удавом, не давая дышать и пошевелиться.

Утром девушка проснулась совсем разбитая, нудно болела голова, но она нашла в себе силы и тщательно собралась на работу. Из зеркала на неё посмотрела бледноватое отражение, но бледность не портила миловидное лицо девушки. Арина подхватила плащ и сумочку в тон и выскочила на улицу.

Первой, кого встретила Арина, была гардеробщица тётя Лиза, мама Костика. Девушка приветливо поприветствовала женщину и направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

У девушки в памяти всплыло описание гардеробщицы, которое сделала Нюра, довольно неприязненно называя её старой сплетницей: «А ведь Нюра описала мне свою свекровь как совершенно постороннего человека. Почему?» – недоуменно подумала Арина, медленно передвигаясь по второму этажу школьного коридора.

Уже подходя к библиотеке, Арина нос к носу столкнулась с Нюрой. Подруга холодно и безразлично прошла мимо, не ответив на приветствие Арины, словно та была совершенно посторонним для неё человеком. «Да, дела», – тихо прошептала Арина и, переведя дыхание, уверенно зашла в школьную библиотеку.

– Здравствуйте, – спокойно произнесла девушка, ненавязчиво разглядывая библиотекаря.

За стареньким письменным столом перед ноутбуком сидела круглолицая, темноволосая женщина с высокой грудью и прямой спиной. Навскидку Арина дала ей лет пятьдесят. Голубая шифоновая блузка плотно облегла её тело, подчёркивая пышные формы. Пушистые волосы библиотекарши были собраны на затылке в аккуратную шишку.

– Я учительница истории. Вот, за учебниками зашла...

– Да-да. Меня Лариса Петровна предупредила, – ответила женщина, поднимаясь с места и смотря Арине прямо в глаза. Протянула девушке ладошку лодочкой и представилась:

– Танеева Анна Андреевна.

Арина смутилась, но пожала прохладную руку женщины и ровным голосом произнесла:

– А у вас историческая фамилия.

– Не только фамилия, но и корни, – ответила Анна Андреевна и неторопливо села на место, выпрямив спину.

Арина удивлённо приподняла брови, но уточнять ничего не стала и осмотрелась. Помещение библиотеки было тесноватым. Два больших окна достаточно хорошо освещали помещение. Старые стеллажи заполнены в основном учебной литературой.

Анна Андреевна долго шебуршала чем-то в ящичке стола, наконец достала чистый формуляр и приготовилась его заполнять. Арина, спокойно наблюдавшая за действиями женщины, присела на краешек стула, готовясь отвечать на вопросы библиотекаря. Когда формальности были закончены и Арина получила стопку новеньких учебников, Анна Андреевна, хитро прищурив глаза, поинтересовалась:

– А что вы знаете о Танеевой Анне Александровне?

Арина вскинула голову, немного опешила и уточнила:

– Вы хотели сказать, о Вырубовой Анне Александровне, в девичестве Танеевой? – спросила девушка и, примостив учебники на краешек письменного стола, с любопытством посмотрела на женщину.

– Да. Именно это я и хотела сказать.

Девушке показалось, что библиотекарь усмехнулась, и она подумала: «Проверяет, насколько хорошо я знаю в истории период царствования Николая Второго. Ну что же, получи».

И вслух произнесла:

– Я читала мемуары Танеевой-Вырубовой «Страницы моей жизни», где Анна Александровна пишет о себе, о Григории Ефимовиче Распутине и царской семье.

– И вы склонны доверять этим мемуарам? – Танеева словно проверяла личное отношение своей собеседницы к данному эпосу.

– А у вас есть какие-то сомнения в их правдивости? – вопросом на вопрос ответила Арина.

В библиотеку вбежали две девочки, ученицы начальных классов. Вежливо поздоровались и прилипли, подталкивая друг друга, к столу Анны Андреевны. Танеева губами улыбнулась девочкам, но девушке на миг показалось, что глаза у неё оставались холодными, словно в них застыли осколки льда, и обратилась Арине:

– А знаете что, приходите сегодня вечером ко мне домой, этак часикам к семи, чайку попьём и побеседуем. Я живу в Девятом переулке, сразу за недостроенным домом.

Девушка остолбенела, у неё побежали перед глазами разноцветные точки, и молниеносно пронеслось в голове: «Это же дом тёти Тани. Так вот кто его купил».

А вслух она постаралась как можно спокойнее ответить:

– Хорошо. Я зайду.

Прикрыв за собой дверь, Арина постояла, приходя в себя. В коридоре было пустынно, только Ксения Алексеевна завернула за угол коридора, направляясь к школьной лестнице. Из-за двери библиотеки до Арины донёлся недовольный голос Танеевой:

– Вы разве не видите, что взрослые разговаривают? Надо было дождаться за дверью, пока я закончу беседовать с учительницей.

– Извините, – тихо произнесла одна девочка. – Нам просто срочно надо взять стихи Сергея Михалкова.

– Срочно, срочно... А перемена вам на что? – не унимаясь, раздраженно бубнила Танеева.

Но Арина уже направилась в свой кабинет и продолжения разговора не услышала. В расписание ей сегодня уроки не поставили, и она намеревалась целый день провести в кабинете истории, готовясь к завтрашнему дню.

Ближе к обеду в кабинет заглянула Ксения Алексеевна с черновиком расписания и мобильным телефоном в руках. Арина ознакомилась с расписанием и, утвердительно кивнув головой, к немалому удовольствию завуча, пояснила, что ее устраивает в расписании абсо-

лютно всё. Ксения Алексеевна, воодушевившись, познакомила девушку с учебным планом, и они обсудили программу по истории.

На столе завибрировал телефон заместителя, и, как отчего-то показалось Арине, из него полилась странная для современной девушки песня:

«Ландыши, ландыши,
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши,
Белый букет».

«Надо же, какой интересный вкус у этого зама, – подумала Арина, невольно скосив глаза на телефон. – Моя мама очень любит эту песню, она всегда говорила, что эта песня была любимой у ее мамы, моей бабушки».

Экран телефона Ксении засветился голубоватым светом, и на нём высветилось название контакта «Мамка». Ксения быстро взяла в руки мобильник и, заметив удивление в глазах Арины, которое та не смогла скрыть, раздражённо ответила «мамке». Мобильник был поставлен на максимальный звук, и Арине показался знакомым голос в телефоне. Ксения тоже поняла, что Арина может слышать голос из трубки, поэтому отстранила от уха трубку, убавила звук и продолжила разговор.

Уже уходя, в дверях, Ксения Алексеевна внимательно посмотрела на бледную девушку, корпевшую целый день за письменным столом над учебными программами, и посоветовала:

– В учительской на первом этаже есть чайник, можно горячего кофейку попить, взбодриться.

Арина поблагодарила зама, поднялась из-за учительского стола и, почувствовав, что немного устала, прошла между партами по пустынному кабинету и решила внять совету Ксении и спуститься на первый этаж.

Дверь в учительскую была приоткрыта, и она услышала доносившиеся из учительской голоса педагогов. Нет, она, конечно же, не хотела подслушивать разговор под дверью. Но заслышав, что речь идёт именно о ней, не смогла удержаться, остановилась и прислушалась.

– А историчка ничего так, смазливая, – неприятным, небрежным для слуха девушки голосом проговорил Игорь Андреевич, физрук.

Арина возмущенно, негодуя, подумала: «И это именно его назвала Нюра воспитанным?»

Зоя Карловна решила поддержать разговор и назидательно откликнулась:

– Учительнице не обязательно быть смазливой, надо, чтобы в голове что-то было... Детям государственную итоговую аттестацию сдавать. Чему она может научить сразу после университета? Да, теорией, может, она и владеет, а вот практика...

Владимир Иванович не дал жене развить философскую мысль и решил заступиться за девушку:

– Зоя Карловна, а ну-ка вспомни, какие мы с тобой приехали, самоуверенные, напористые, у-у-ух. А сколько шишек пришлось набить на практике, порой и вспоминать стыдно о своей самоуверенности. А ведь ничего, шестнадцать лет на одном месте трудимся.

– А мне другое обстоятельство интересно: наша Танеева уже успела заинтриговать её своей фамилией? – этот голос Арине показался совершенно незнакомым, она осторожно заглянула в приоткрытую дверь и увидела говорящую Лилию Николаевну.

Литераторше, вложив в голос как можно больше сарказма, ответила Зоя Карловна:

– Конечно. Ну, если новенькая совсем не профан, то должна была клянуть на...

Звонкой трелью разлился по недавно тихому коридору звонок, Арина от неожиданности вздрогнула. Двери классов распахивались, и в рекреацию высыпали разновозрастные ученики, шумя и громко переговариваясь, выплескивая молодой, здоровый детский задор, застоявшийся за длинный урок. Арина, испугавшись, что кто-то мог заметить, как она подслушивала

и подглядывала в щёлку, резче, чем хотела, открыла дверь и почти вбежала в учительскую, так и не услышав, на что она должна была клюнуть.

Педагоги молча одновременно посмотрели на неё, но не проронили больше ни слова.

Владимир Иванович, стоявший спиной к окну и подпиравший пятой точкой подоконник, завидев бледную, с испуганными глазами девушку, хмыкнул и прошёл к своему письменному столу.

Следом за Ариной, держа под мышкой журнал, торопливо вошла Ольга Семёновна и прямо с порога начала возмущаться:

– Этот Карпов скоро сведёт меня с ума... Он такие каверзные вопросы задаёт на уроке, что вгоняет в краску всех девочек класса.

Владимир Иванович поморщился, словно от зубной боли, и нехотя произнёс:

– Да полноте вам, Ольга Семёновна, каждый день одно и то же. Вызывайте отца, он быстро его мысли в нужное русло направит.

Арина пока лично была незнакома с этим каверзным Карповым, поэтому возмущения Ольги Семёновны ей были неинтересны. Она неторопливо прошла к столу с электрическим чайником и изучающим взглядом окинула содержимое стола.

Зоя Карловна, внимательно наблюдавшая за действиями девушки, со своего места, плотно сжав тонкие губы, произнесла:

– У нас, милочка, каждый свою кружку приносит из дома. А также чай или кофе, что вы там предпочитаете, – последние слова математичка небрежно выделила интонацией.

– Какао, – дурашливо добавил Владимир Иванович, стараясь разрядить напряжённую обстановку и пристально, без тени смущения разглядывая бледную девушку, но его шутку никто не поддержал.

Арина вдруг почувствовала какую-то неловкость и ненужность. Словно она оказалась в неподходящий момент в неподходящем месте. Ей вдруг жутко захотелось вернуться в свою городскую квартиру, в любимое просиженное кресло и, закутавшись в старый, потёртый клетчатый шерстяной плед, перечитывать знакомые, любимые книги. Девушка даже словно со стороны увидела себя в домашнем кресле, ей вдруг со страшной силой захотелось, чтобы все эти незнакомые и чужие люди исчезли из её жизни.

«Вот прямо сейчас взять и молча выйти из учительской», – пронеслась в голове предательская, трусливая мысль. Но она подавила минутное желание убежать от неприятных в данный момент для неё людей, подняв одну бровку, Арина пристально посмотрела на математичку. Так продолжалось несколько секунд, пока Зоя Карловна не отвела глаза. В учительской повисло тягостное молчание.

Ольга Семёновна, словно спохватившись, положила классный журнал на стол и, разряжая неудобную ситуацию, суетливо произнесла:

– Так у нас же гостевые чашки есть.

Подошла к тумбочке, открыла скрипучую дверцу, извлекла фарфоровую чайную пару и доброжелательно протянула Арине:

– У вас, наверное, и чая с собой нет, – и, взяв изрядно помятую коробочку из-под черного чая со своего стола, протянула девушке: – Угощайтесь, пожалуйста.

Арина взяла из коробочки одинокий пакетик чая и, благодарно кивнув головой, налила кипятка в чашку.

Весёлой трелью по школьному зданию снова разлился задорный звонок. Педагоги дружно встали со своих мест и один за другим направились на уроки. За столом, в углу учительской, осталась одиноко сидеть Любовь Ивановна, учительница начальных классов. Она внимательно и сосредоточенно проверяла тетради. К тому, что только что происходило в учительской, женщина была совершенно безучастна.

Закрыв последнюю тетрадь и отложив ручку с красным стержнем в сторонку, Любовь Ивановна наконец обратила внимание на девушку, которая с удовольствием отхлёбывала чай и безразлично смотрела в окно. Кстати, чай оказался на удивление хорошим, с приятным терпким привкусом, именно так про себя отметила Арина.

– А вы большая молодец, умеете держать удар, – произнесла учительница, поднимаясь со своего места и надевая плащ. – Наши педагоги с осторожностью относятся к приезжим, так что держитесь. Это не последний выпад с их стороны, надо привыкнуть к нашему *дружному* коллективу, – выделила интонацией слово *дружный* женщина.

Арина хотела поблагодарить Любовь Ивановну за поддержку, но та уже защёлкнула портфель и быстро, не оглядываясь, вышла из учительской.

– Ничего, – сказала сама себе приободрённая девушка. – Прорвёмся.

Когда чай взбодрил и разлился теплом по телу, разогнал усталость и от приятного напитка даже в душе загорелся огонёк надежды на светлое будущее, она покинула учительскую и быстро поднялась в кабинет истории, навела порядок на рабочем столе, взяла сумочку и поспешила вниз. На лестничном пролёте ей повстречалась Лариса Петровна:

– Уже уходите? С расписанием ознакомились? Завтра не опаздывайте, у нас занятия начинаются в 8:30. Минимум за пятнадцать минут вы должны быть на рабочем месте, – директор произносила фразы назидательным голосом, словно рассказывала правила распорядка школы провинившейся ученице.

Арина почему-то вспомнила своего директора школы Людмилу Павловну и подумала: «Директора школ, наверное, все одинаковы. Интересно, дома они с родными так же официально разговаривают?»

Стоило Ларисе Петровне закончить последнюю фразу, Арина согласно кивнула головой, вежливо попрощалась с директором и легко спустилась вниз по лестнице на первый этаж школы. В сумочке завибрировал мобильный телефон, девушка, торопливо двигаясь по школьному коридору, на ходу открыла сумочку и, не заметив приближающегося навстречу молодого человека, столкнулась с ним.

– Растяпа, под ноги смотреть надо, – грубо произнес широкоплечий молодой мужчина и, не оглядываясь, пошёл по коридору по направлению к кабинетам начальных классов.

Раздосадованная оскорблением хамоватого незнакомца Арина наконец-то вмиг сделавшимися непослушными руками достала телефон, пропущенный звонок был от мамы. «Попозже перезвоню, – подумала девушка, продолжая злиться и на себя, и на мужчину. – Надо же было так врезаться, синяк, наверное, на плече останется».

Из гардероба за происходящим столкновением внимательно, с нескрываемым любопытством наблюдала тётя Лиза.

– Не обижайся на него, – доброжелательно и сочувственно попросила женщина, как только Арина подошла к ней поближе. – Миша хороший парень, просто не любит девушек.

Арина, морщась от боли в плече и потирая ушибленное место, поинтересовалась:

– Чем это девушки ему так не угодили?

– Да есть на то веская причина... Понимаешь, Миша из армии привёз молодую беременную жену, избалованная девица, я тебе скажу. Вот сколько здесь жила, всё ныла, что ей в этой глухомани скучно, что цивилизации здесь нет... – тётя Лиза подала ветровку очередному ученику, продолжая на ходу рассказывать: – Так вот, после родов, не прошло и полгода, она поехала проводить родителей, да так и не вернулась в село. Представляешь, каково было Мише, благо с родителями живет, а то бы и дочку не с кем оставить. Его дочка Иринка во второй класс уже перешла, а Миша так и не женился.

– Не понимаю... Однолюб, что ли? – безразлично поинтересовалась Арина.

– Думаю, что после такого удара со стороны любимого человека просто девушки у него из доверия вышли.

Девушка не ответила, этот грубиян её совершенно не интересовал. А что такое предательство близкого человека, она прекрасно знала и ощутила всю горечь потери на себе. Арина вышла из здания школы и направилась домой.

Вечер подкрался тихо, буднично и, как всегда, незаметно. Девушка, как и обещала, отправилась к Танеевой. Арина заранее вышла из дома и с удовольствием шла по знакомой главной улице Боровиково. Навстречу показалось стадо коров, неспешно подгоняемое пастухом, окутанное облаком пыли, поднимавшимся из-под многочисленных копыт животных. Коровы без напоминания пастуха, зная дорогу домой, сворачивали в нужный им переулок.

У тёти Тани когда-то тоже была чёрно-пёстрая корова Зорька, с большими, красивыми чёрными глазами с поволокой и длинными прямыми ресницами, девушка вспомнила Зорьку и улыбнулась. Арина терпеть не могла парное молоко, а тётя постоянно племянницу за это упрекала и беспрестанно назидательно напоминала о пользе этого продукта. А вот молоко, охлаждённое в холодильнике, с горячими булочками с корицей, испечёнными тётей, Арина уплетала с удовольствием.

Девушка отошла с дороги на обочину, пропуская стадо, растянувшееся по всему свободному пространству улицы. Стадо было пёстрым: коровы шли рыжие и мышастые, чисто чёрные с шерстью, блестящей отливом, и чёрно-белые. За собой бурёнки оставляли шлейф пыли, которая в безветренную погоду долга висела в воздухе.

Тётя Таня корову всегда ласково называла «кормилица». Зорька была высокоудойной коровкой, молока было много, поэтому в тётином холодильнике в избытке водилось масло, сливки и творожок, который Арина любила есть по настроению с малиновым вареньем или со сметаной и сахаром.

Арина, задумавшись, не заметила, как к ней приблизилась чёрная корова с большими острыми рогами, втянула воздух шершавым носом, облизнулась и продолжила путь дальше. Девушка проводила бурёнку долгим взглядом, и вдруг вспомнилось, как однажды заболела тётиная Зорька. Тётя Таня, когда отправлялась доить корову, всегда отрезала от булки хороший ломоть хлеба, круто, не жалея, посыпала его солью, чтобы угостить лакомством свою кормилицу. В тот вечер всё было как обычно, только вернулась тётя после дойки расстроенная.

– Зорька жвачку не жуёт, даже хлеб не стала есть и подмыкивает постоянно, – сообщила тётя Арине, процеживая парное молоко в банку. – Наверное, съела что-то не то. Утром надо ветеринарного врача вызвать.

Ночь прошла беспокойно. Тётя несколько раз за ночь вставала, наспех накинув фланелевый халат на запахе, ходила в хлев проводить больную Зорьку. По возвращении потихоньку охала и ахала, ложилась в кровать и беспокойно продолжала ворочаться с боку на бок.

Утром пришёл ветеринарный врач, им оказалась худенькая женщина небольшого росточка, фигурой напоминавшая подростка, поставила Зорьке укол и назначила лечение. Через три дня, к неописуемой радости тёти Тани, корова снова отправилась в стадо. Но тётино беспокойство за кормилицу Арине врезалось в память навсегда.

Подойдя к дому Танеевой, Арина отчего-то разволновалась, давно она не была в тётином доме, неизвестно, какие радикальные изменения в нем произошли при новой хозяйке. Она некоторое время стояла в нерешительности и, собравшись с духом, решительно вошла в калитку. Некогда цветущий сад, который в идеальном порядке поддерживала тётя Таня, теперь представлял жалкое зрелище. Многолетники – разноцветные флоксы, некогда буйно цветущие нарциссы, мощные кусты пионов старались пробиться через бурьян, но бой был неравным, и цветы чахли и увядали. Сорняки – полынь и репейник словно праздновали победу, жирея и возвышаясь над благородными цветами.

Арина горестно вздохнула и уже хотела подняться на крыльцо, как ей навстречу из дома выскочила Ольга Семёновна, что-то быстро пряча в сумочку. Не ожидая увидеть девушку, неожиданно наткнувшись взглядом на гостью Танеевой, женщина смутилась, виновато улыбнулась и поспешила к калитке.

Арина неспешно поднялась на облезлое, давно не крашенное крыльцо, вошла в тёмные сени и тихонько постучалась в знакомую с детства дверь, ведущую в дом.

– Не заперто, – услышала девушка громкий, но приятный голос Танеевой.

Анна Андреевна встретила Арину в большой комнате, так называла тётя Таня зал. Хозяйка дома была одета в длинный яркий шёлковый халат в павлинах. Девушка огляделась – естественно, здесь всё уже было по-другому: обстановка, даже настроение и запах комнаты был чужой. Она отметила, что Танеева живёт довольно-таки скромно. Словно прочитав мысли девушки, или у той на лице было написано разочарование и грусть, Анна Андреевна пояснила:

– На зарплату библиотекаря не разбогатеешь. Вы же слышали на совещании, что опять сокращение произошло, у меня и так мизерная зарплата была, а теперь оставили только полставки, – и, не выдержав паузу, без перехода, предложила: – А давайте-ка, милое дитя, чай пить.

Арине показалось, что последняя фраза была произнесена как-то театрально наигранно и фальшиво.

Не дожидаясь от девушки ответа, Танеева плавно поплыла, играя бёдрами, на кухню за чашками. Арина ещё раз осмотрелась. Кругом царил беспорядок, который творческим назвать ну никак было нельзя. Повсюду лежали книги вперемежку с газетами, старыми бумагами. На двери, ведущей в комнату, висела одежда, полотенца и ещё какое-то бельё. Застиранный, от времени непонятного цвета палас давно не встречался с пылесосом. Арина бросила взгляд на стол. Столу тоже не хватало заботы хозяйки: на подставке стояло небольшое круглое поцарапанное зеркало. Старый ежедневник был полуоткрыт, показывая небрежно исписанные страницы. Рядом лежал свежий номер Орловской газеты, листы какого-то договора, тут же стояла бутылочка жидкости для снятия лака. Мобильный телефон, выглядывавший из-под газеты, был с треснутым стеклом. В большой вазочке с незатейливыми цветочками на стеклянных боках, гордо возвышавшейся на толстой ноге над хаосом на столе, сиротливо лежало пять кармелек.

Анна Андреевна вернулась из кухни быстро. Принесла две чайные чашки, на которых беспорядочно расположились большие ядовито-яркие, оранжевые горошины, и керамический чайничек. Разом охватив взглядом свой хаотично заваленный стол, примостила чашки на самый край. Рукой, всё разом, отодвинула содержимое стола в сторону, оставив массивную вазочку на месте, и разлила неимоверно жидкий чай по чашкам. Танеева бросила быстрый взгляд на конфеты в вазочке и, словно увидев их впервые, сделав глаза печальными, разведя руками, произнесла:

– Уж извините, у меня даже сахара нет. Ну, как говорится, чем богаты, тем и рады, – словно радуясь, сказала Танеева, пододвигая чашку с чаем поближе к госте.

Арина чувствовала себя неудобно, в когда-то таком родном, а сейчас до неловкости чужом и угнетающе действующем на неё доме, и решила не тянуть время и сразу завязать деловой разговор, спросив, как говорится, в лоб:

– Анна Андреевна, вы имеете какое-то отношение к фрейлине императрицы Александры Фёдоровны?

Женщина, услышав прямой вопрос, не смутилась, не выказала удивления, а просто поинтересовалась:

– Я вас правильно поняла? Вы хотите узнать, являюсь ли я родственницей Танеевой-Вырубовой? – и, пристально посмотрев в глаза Арине, выдержав небольшую паузу, ответила: – Да, являюсь.

Арина не ожидала получить именно такой ответ, слегка разволновалась, поёрзала на твёрдом, неудобном стуле. Не каждый день приходится слышать такие заявления. Она машинально подняла чашку с мутноватой жидкостью, хотела отхлебнуть то, что Танеева громко назвала чаем, чтобы промочить вмиг пересохшее горло, но передумала и вернула чашку на место. Прокрутив молниеносно в памяти известную ей из источников информацию, она решила невозмутимо возразить:

– Но вы не можете являться прямой родственницей Анне Александровне. У неё не было детей.

Танеева помолчала, театрально выдержала паузу и тихо, вкрадчиво возразила:

– А вот тут-то вы, милое дитя, ошибаетесь. В 1916 году Анна Александровна родила девочку, правда, сама её не воспитывала, а отдала в добрые руки. Только попросила, чтобы её назвали Дарьей и дали фамилию Танеева. Дарья – моя мать, а вот Анна Александровна – родная бабка, – Танеева, не скрывая превосходства и гордости за своё прошлое, словно по её жилам течёт не красная, как у всех, а голубая кровь, посмотрела на Арину. Весь её вид кричал: «Ну что, не ожидала? Так-то, знай наших».

Но в данную минуту девушку надменность Танеевой волновала меньше всего.

– Не может быть. Этого просто не может быть, – Арина вскочила с места, беспокойно прошлась по комнате, вернулась на свой стул, отхлебнула глоток чая, поморщилась, словно проглотила неприятную на вкус жидкость, и стала рассуждать: – Посудите сами, если вы, конечно, хорошо изучили биографию фрейлины.

Анна Андреевна, услышав эти слова, удивлённо приподняла одну бровь и ухмыльнулась. Арине сейчас было совершенно безразлично настроение хозяйки дома, она даже не заметила ухмылки Танеевой, продолжала:

– В 1915 году Анна Александровна попадает в страшную железнодорожную катастрофу. Она выжила чудом, но могла передвигаться только на инвалидной коляске или с помощью костылей...

– И всё же это так. Анна Александровна – моя бабка, – не дав развить мысль Арине, твёрдым, недовольным голосом произнесла Танеева.

Девушка тут же яростно возразила:

– Нет и ещё раз нет. Вырубова была религиозна, склонна к мистицизму. И потом, вы же знаете, что Временное правительство арестовало фрейлину, её обвинили в шпионаже, предательстве и бросили в Петропавловскую крепость, где её пытали и унижали.

– Это произошло позже и не имеет никакого отношения к моему рождению, – ответила раздражённо женщина и поставила на стол свою чашку с чаем, которую до сих пор держала в руках, так и не сделав ни одного глотка, она откинулась на спинку стула и крепко сцепила руки на груди.

– Да, но было проведено несколько медицинских освидетельствований, которые показали, что она оказалась девственницей, – привела веский довод Арина.

– Милое дитя, – уже спокойнее произнесла Анна Андреевна, но напряжённое тело не расслабила. – Вам должно быть известно, что следователь Николай Руднев, который в то время руководил одним из отделов ЧК, заменил лечащего врача Вырубовой Серебренникова на Ивана Манухина...

– Вот именно, – перебила горячо и нетерпеливо Арина Танееву, – именно под руководством Манухина и было проведено освидетельствование.

– Да, вся эта информация, конечно, есть в мемуарах Вырубовой, но если вы внимательно читали эти мемуары, то вы бы заметили, что Руднев, как бы помягче выразиться, сочувствовал, что ли, фрейлине.

– Но какое отношение это имеет к освидетельствованию? – Арина не могла понять, куда клонит Танеева.

– Я полагаю, что это освидетельствование было сфальсифицировано. Посудите сами, если бы стало известно, что у Танеевой были роды, тогда неизвестно, чем бы это обернулось для моей матери.

– Можно предположить, – тихо проговорила Арина, до конца не веря своим ушам. – А кто же тогда ваш дед? Уж не... – и замолчала, боясь предположить и тем более услышать в ответ: «Григорий Распутин».

Анна Андреевна прищурила глаза и оставила вопрос без ответа. Затем пристально посмотрела на девушку, как бы раздумывая, продолжать в данном русле разговор или закончить его на сегодня. И неуверенно начала:

– У меня есть доказательство того, что я довожусь внучкой Танеевой-Вырубовой.

«И это ещё не все сюрпризы?» – быстро пронеслось в голове Арины.

– У меня есть яйцо Фаберже «Ландыши», принадлежавшее ранее императрице Александре Фёдоровне.

Арина почувствовала, как к горлу от волнения подкатывает спазм. Она изумлённо вытаращила глаза на Танееву, соскочила с места, сцепила что было сил пальцы рук на груди и выдохнула:

– Но это уже из раздела фантастики. Я точно знаю, что любимое пасхальное яйцо императрицы сейчас находится в музее в Питере.

Арина остановилась и внимательно стала изучать лицо Анны Андреевны, и у неё вдруг зародилась шальная мысль: «А в своём ли уме эта женщина?» Девушка словно со стороны посмотрела на себя. Ей вдруг неудержимо захотелось убежать из этого, ранее такого родного, а в эту минуту такого отвратительного дома, и она подумала: «А что вообще я здесь делаю? И зачем слушаю весь этот бред незнакомой мне женщины?» Но любопытство взяло верх, и Арина, подавив желание удалиться, заставила себя остаться.

– Хорошо, – услышала девушка голос Танеевой, словно выскочивший из темноты. – Яйцо у меня хранится в надёжном месте в районном посёлке Орловское. Завтра я с утра работаю, а вот в полдень смогу попасть в район. Вечером вернусь, заходите так же, часиков в семь, – немного задумалась и печально и, как показалась Арине, опять немного театрально, продолжила: – Знаете, ведь у меня нет своих детей. Ошибка молодости, так сказать. А бесценную вещь хотелось бы передать в хорошие руки. Вы, я вижу, девушка разумная, да и историю знаете не только в рамках школьной программы. Нынешняя-то молодёжь даже фамилию царской семьи не знает. А что уж говорить о фрейлинах, эта информация для них вообще тёмный лес.

Арина уже не знала, как реагировать на слова Анны Андреевны. Женщина поняла, что своими рассуждениями вконец смутила девушку, и, поднимаясь из-за стола, предложила:

– А знаете что, милое дитя, давайте-ка ещё чайком побалуемся, – Танеева поднялась со стула, но, устремив взгляд на входную дверь, вдруг застыла с керамическим чайником в руках и медленно начала бледнеть.

Арина оглянулась и увидела в дверном проёме комнаты Владимира Ивановича. Когда он вошёл, сколько здесь простоял и что услышал, никто не знает. Владимир Иванович понял, что он раскрыт и его заметили, быстро вошёл в комнату и, чтобы скрыть неловкую ситуацию, потирая руки, сказал:

– Вот как я вовремя. Прямо к чаепитию, – он подошёл к столу, взял из вазочки карамельку, развернул фантик и аккуратно положил конфету в рот.

Анна Андреевна понемногу приходила в себя, кровь постепенно прилиwała к её щекам, она поставила на стол чайничек и обратилась непринуждённо к Арине:

– Ну что, дорогая, завтра вечером я вас жду у себя.

Арина удивлённо посмотрела на Танееву, но уточнять по поводу кардинальной смены её настроения ничего не стала, попрощалась и отправилась домой.

Арина домой нет, не шла, а летела. В голове молоточками стучала настойчивая мысль: «Надо срочно найти информацию о пасхальном яйце». Зайдя в дом, она сразу прошла в свою комнату, быстро открыла ноутбук, набрала в поисковике «Яндекса»: «Пасхальное яйцо «Ландыши», – и стала шепотом читать:

– Ювелирное яйцо, одно из пятидесяти четырёх императорских пасхальных яиц, изготовленных фирмой Карла Фаберже для русской императорской семьи. Год изготовления 1898-й. Сюрприз: выдвигающиеся три медальона с портретами императора Николая и великих княгинь Ольги и Татьяны. Принадлежало императрице Александре Фёдоровне. В настоящее время ювелирное яйцо находится в постоянной экспозиции Музея Фаберже в Санкт-Петербурге, расположенном во дворце Нарышкиных – Шуваловых. Материалы, из которых изготовлено яйцо: золото, эмаль, алмазы, жемчуг, горный хрусталь, слоновая кость.

– О боже, – отстранилась Арина от экрана ноутбука. – Так-так-так. Надо бы узнать, не было ли в музее кражи.

Девушка опять придвинулась к экрану ноутбука и стала просматривать всю информацию, касающуюся пасхального яйца «Ландыши» и Музея Фаберже. Но об исчезновении чего-либо из музея не было никакой информации.

Арина закрыла крышку ноутбука, и опять совсем некстати вспомнились тётнины слова: «Отвяжись, плохая жизнь, привяжись хорошая».

Из неопределенно мучительного состояния девушку вывел донесшийся из кухни глухой стук входной двери, и Арина чётко расслышала голоса – тёти Клавы и мужской. Мужской голос по-хозяйски поинтересовался басом:

– А банька-то скоро будет готова?

– Да я уж думаю, готова, – не задумываясь ответила женщина. – Берёзовый веник я в предбаннике приготовила, иди парься.

Тётя Клава, покрасневшая, с выбившимися из-под косынки мокрыми прядками волос – весь её вид говорил о том, что она только что была в бане – заглянула в комнату к Арине.

– Ты, я вижу, дома... То-то дверь незапертая была.

Следом за хозяйкой неторопливо вошёл коренастый, плотного телосложения мужчина с благородной сединой и пышными усами и, изучив за несколько секунд девушку, прищурив добродушно глаза с пляшущими в них весёлыми искорками, ласково, по-отечески произнес:

– Давай знакомиться. Меня Романом Семёновичем кличут.

Девушка поднялась с дивана, на который перед приходом хозяев успела забраться с ногами, отошла к окну и просто ответила:

– А меня Ариной.

Роман Семёнович разгладил усы, удовлетворённо крякнул. Молча постоял, не нашёлся больше о чём спросить и вышел из комнаты.

«Да, немногословен, – подумала Арина. – В лесу, с дикой живностью, ему, наверное, комфортнее, чем с людьми».

Арина легла спать пораньше, но долго ворочалась с боку на бок, не могла найти удобную позу, чтобы уснуть. Станные слова и поведение Танеевой не выходили у нее из головы: «На сумасшедшую библиотечарша не похожа. Если вся история выдумана, то с какой целью?»

Арине по-прежнему не спалось, наконец, она не выдержала мучительной бессонницы, включила светильник и попробовала читать, чтобы отвлечься от беспокойных мыслей. Не помогло. Глаза бегали по строчкам сами по себе, а мысли крутились вокруг Танеевой. Девушка вздохнула, выключила светильник и, вольготно вытянув тело на постели, укрылась лёгким одеялом вместе с головой.

В школу Арина пришла за полчаса до звонка, но первого урока у неё по расписанию не было. Девушка хотела, если повезёт, наконец-то объясниться с Нюрой. Ну должна же та понять, что не могла она в первый вечер прийти на свидание к совершенно постороннему мужчине, да ещё беззастенчиво обниматься с ним. Но, к большому разочарованию девушки, у Нюры в расписании стояли только последние уроки. А заранее, как правило, Нюра в школу не приходила.

Арина постояла у расписания и решила: как только прозвенит звонок, пойдет выуживать нужную ей информацию у гардеробщицы тёти Лизы – мамы Константина. Звонкой, привычной, обыденной трелью разлился школьный звонок. В коридорах сразу стало тихо, пусто и просторно. Девушка, как только последние ученики скрылись за дверями школьных кабинетов, неторопливо направилась к гардеробу. Тётя Лиза, вязавшая украдкой на уроках внучатам носки, не дай бог директор увидит – отчитает так, что мама не горюй, отвлеклась от вязания и выжидающе посмотрела на Арину.

– Нюра сегодня не собиралась прийти на занятия пораньше? – как можно беззаботнее поинтересовалась Арина, но голос от волнения всё равно дрогнул.

– Что, и тебе досталось? – спросила гардеробщица с некой долей радости в голосе, с усмешкой заглядывая девушке в глаза. – А я ведь тебя предупреждала: держись подальше от моего Костика... Скорее бы уж съехали они, что ли, чтобы глаза мои не смотрели на то, как она над ним измывается. Всю плешь ему проела своей ревностью. Пиранья. Прости меня, Господи, – тётя Лиза смешно трижды перекрестила рот.

– А Костик-то что говорит? – невольно улыбнувшись, полюбопытствовала Арина.

– Да ничего не говорит. Усмехается – и всё тут. А Нюрку это ещё больше бесит. И в кого она такая ревнивая?

В школу вбежал запыхавшийся, взъерошенный опоздавший ученик. Коротко поздоровался:

– Здравствуйте, – и, на ходу снимая ветровку, направился к гардеробу.

Арина в нерешительности постояла ещё немного и, понимая, что от тёти Лизы никакой полезной информации не добыть, поднялась по лестнице на второй этаж и направилась в кабинет истории.

Из неплотно прикрытых дверей классов слышались голоса педагогов и учеников. Арина улыбнулась, заслышав неспешно переплетающиеся детские и взрослые голоса, про себя отметив, что поступила правильно, приехав преподавать в село. Ей нравилась школьная атмосфера с её шумными, многоголосыми переменами и спокойными уроками, с пытливыми и озорными, весёлыми и огорчёнными, но только не безразличными глазами учеников.

Проходя мимо библиотеки, она ненароком заметила, что дверь во «дворец мудрости» приоткрыта, и девушка решила заглянуть и поздороваться с Танеевой. Но вдруг Арина услышала доносившиеся из-за двери голоса и обрывки странного разговора, которому она не хотела помешать. Девушка замедлила шаг и остановилась у двери библиотеки.

– Ну, что ты, пупсёнок, злишься. Я же тебе объясняю, что всё будет хорошо, – говорила лилейным голоском Танеева.

– Сколько раз я тебя просил, не называй меня пупсёнком, – ответил обиженно мужской голос.

Арина сразу узнала по тембру голос Игоря Андреевича и была немало удивлена данным обстоятельством, она уже хотела отойти от двери, чтобы не мешать приватному разговору, но, услышав следующие слова, осталась стоять на месте.

– Ну-ну, не злись, мой котик. Я сегодня из района привезу тебе то, что обещала. Буду ждать тебя в обычное наше время, – сладким голоском пропела Танеева.

Игорь Андреевич вдруг заартачился:

– Не знаю, смогу ли я сегодня прийти.

– А что такое? Что случилось у моего котика? – заговорила, словно с ребёнком, Танеева.
– Знаешь, пока я не получу то, что ты обещала, на меня можешь больше не рассчитывать, – резковато произнёс Игорь Андреевич.

Послышался звук отодвигающегося стула, и Арина на цыпочках бросилась к своему кабинету. Она, запыхавшись, бухнулась на стул и только тут перевела дыхание:

– Вот это страсти мадридского двора. Ай да Танеева. Что же этот котик хочет заполучить? Уж не пасхальное ли яйцо?

Уроки пролетели незаметно. Арина для себя отметила, что роль учительницы истории ей очень нравится. После уроков она задержалась в кабинете, готовясь к завтрашнему дню. Время пролетело быстро, когда она освободилась и посмотрела на часы, они показывали 17:45.

– Так, – решила Арина. – Домой я уже не успею. Надо ещё в магазин забежать, купить чай для Танеевой, а то те помои, которые она предлагает, чаем назвать невозможно.

Арина быстро спустилась вниз. Тёти Лизы в гардеробе уже не было. На посту сидел сторож дядя Вася. Увидев девушку, дядя Вася приветливо поздоровался. Арина на ходу ответила, пожелала сторожу спокойного дежурства и торопливо вышла из здания школы.

На улице стоял тихий, спокойный, безветренный осенний вечер. Девушка, интуитивно прибавив шаг, направилась в сторону магазина. По дороге ей повстречался Игорь Андреевич, молодой человек отчего-то очень спешил домой. Арина, поравнявшись с физруком, пожелала ему доброго вечера, но он даже не повернул головы в её сторону и озабоченно пролетел мимо девушки, словно вихрь. Её удивило одно обстоятельство: у физрука были испачканы грязью кроссовки, а дождя на улице не было и в помине.

В сельском магазине продавщица в синем колпаке и такого же цвета халате шушукалась с пожилой женщиной. Стоило девушке подойти к прилавку, заговорщицы настороженно посмотрели на неё и замолчали. Арина внимательно осмотрела полки с продуктами и выбрала пачку пакетированного чая и коробочку конфет «Птичье молоко». Уже в дверях магазина до неё донеслись негромкие голоса женщин:

– Вы думаете, это убийство?

– Не знаю. Не нам решать. Пусть полиция разбирается.

Девушка, не останавливаясь и не оглядываясь, вышла из магазина. На душе стало как-то беспокойно, и отчего-то предательски засосало под ложечкой. Арина быстрее, чем хотела, направилась в сторону Девятого переулка. Свернув в знакомый переулок, она издалека увидела полицейскую машину, стоящую возле дома Танеевой, и зевак – местных жителей, которых пытался разогнать мужчина в полицейской форме. Арина прибавила шаг и быстро очутилась в толпе любопытных. Устремив взгляд на двор библиотекарши, она глазами обнаружила безжизненное тело Танеевой. Женщина в неестественной позе сидела, прислонившись к забору с внутренней стороны, возле калитки. Волосы её были растрёпаны, на голове виднелось запёкшееся пятно крови.

Арина почувствовала, как от переполняющего её волнения к горлу вместе с тошнотворным состоянием подступает раздражающий глотку спазм. Она побледнела, в глазах замелькали чёрные точки, но всё же смогла разглядеть, как над безжизненным телом женщины склонился районный криминалист в резиновых перчатках. Неподалёку стоял следователь – мужчина средних лет, высокий, подтянутый, с коротко стриженными русыми волосами и правильными чертами лица, на котором бросался в глаза прямой греческий нос. Он держал в руках блокнот, а под мышкой кожаную коричневую папку.

У девушки возникло опять то же непреодолимое желание, которое возникало всегда, стоило ей почувствовать душевный дискомфорт и физическую слабость: убежать, спрятаться, а именно сейчас – забыть о том, что она знакома со странной женщиной по фамилии Танеева.

Но неуёмное молодое любопытство взяло верх над страхом, и она стала продвигаться к калитке дома.

В ту же секунду Арина почувствовала, что кто-то цепко ухватил её за руку и потянул в сторону, а над своим ухом она услышала грозный голос:

– Девушка, вам же ясно сказано, сюда нельзя. Что вы все прёте напролом? – раздражаясь, нервозно отчитывал Арину полицейский.

Девушка обеспокоенно посмотрела на удерживающего её служителя закона и, не надеясь получить ответ, но всё же с мольбой в голосе спросила:

– Яйцо пропало?

– Вы что, не в себе? – поинтересовался полицейский, по-прежнему удерживая её руку, потому как она не оставила попытки продвигаться вперед и старалась высвободить свою кисть из крепкой мужской руки.

– У Танеевой должно было быть очень ценное пасхальное яйцо, – шёпотом произнесла Арина почти в лицо полицейскому, чтобы её не смогли услышать окружающие.

– А ну-ка, гражданочка, пройдёте со мной, – скомандовал полицейский и потащил девушку к калитке дома Танеевой. А она и не сопротивлялась, ей именно это и нужно было в данную минуту.

Они, продравшись через заслон зевак, стоявших неподалёку, свободно вошли в ограду и остановились возле следователя, который что-то быстро записывал в блокнот, Арина постаралась встать так, чтобы не видеть Танееву.

– Кого это вы, Павел Юрьевич, привели? – не смотря на девушку, поинтересовался следователь у переминавшегося с ноги на ногу полицейского.

– Да вот, Антон Сергеевич, наша новая учительница, приехала недавно, а уже какие-то секреты Танеевой знает. Подозрительно это как-то, – ответил мужчина.

Из сбивчивых рассуждений Павла Юрьевича Арина догадалась, что он местный участковый. И переключила внимание на районного следователя, оказавшись с ним совсем близко, она смогла рассмотреть его лучше.

«Итак, значит, Антон Сергеевич, в его фигуре чувствуется выправка военного человека, ему примерно около сорока лет, русые волосы коротко подстрижены, серые глаза смотрят пронизательно, словно просвечивают насквозь рентгеновским лучом», – так охарактеризовала про себя Арина районного следователя.

Следователь оторвал наконец-то взгляд от блокнота и уже с интересом, пристальнее посмотрел на Арину, беззастенчиво разглядывавшую его в упор. И, улыбнувшись одними глазами, спросил:

– Ну, рассказывайте, какие секреты погибшей знаете?

Арина смутилась, но быстро взяла себя в руки и вкратце рассказала о посещении Танеевой и о том, что женщина намеревалась поехать в район за пасхальным яйцом Фаберже.

Антон Сергеевич ещё внимательнее посмотрел на девушку и недоверчиво, спокойно поинтересовался:

– И вы считаете, что эти бредни могут быть правдой?

Арина неопределённо пожала плечами:

– Не знаю. Может ли это быть совпадением?

– Что именно? – уточнил следователь.

– Как что? Её намерение привезти пасхальное яйцо и это убийство.

Криминалист наконец осмотрел тело Танеевой и, подойдя к Антону Сергеевичу, с усилием стягивая медицинские перчатки с рук, констатировал:

– Рана говорит о том, что женщину приложили чем-то тяжёлым по голове. Эта рана, возможно, и стала причиной смерти.

– Как давно это случилось? – молниеносно поинтересовался следователь.

– По-моему, это произошло часа два назад. Точную информацию дам в заключении.

– Ну что же, будем разбираться, – произнёс Антон Сергеевич, почесав ручкой за ухом. – И, заметив, что девушка по-прежнему стоит на месте и заинтересованно слушает его беседу с криминалистом, уже обратился к ней: – А вы пока, Арина Владимировна, можете быть свободны, я думаю, что мы с вами ещё встретимся.

Арина попрощалась с Антоном Сергеевичем и направилась к калитке, на ходу соображая: «Как же так? Значит, Танеева приехала раньше? Скорее всего, с кем-то знакомым на попутной машине. Иначе до Боровиково в такой час не добраться».

Проходя мимо криминалиста, девушка заметила, что он кладёт в прозрачный мешочек сигару, правда, это были остатки сигары, так сильно она была изуродована. «Неужели это сигара дяди Васи? – озабоченно подумала Арина. – Не буду мучиться догадками, надо просто зайти в школу и уточнить, не было ли у него пропажи».

Выходя из калитки, Арина заметила, что любопытных зевак-сельчан прибавилось. Долговязый парень, приметив, что она вышла из самого центра места преступления, поинтересовался у неё:

– Ну и что там?

Девушка безразлично пожала плечами, объяснять что-либо неизвестно кому у неё совсем не было желания, и она поспешила пойти прочь. Неожиданно её нагнала Нюра и как ни в чём не бывало, словно между ними совсем недавно не пробежала чёрная кошка, затараторила:

– Надо же, какие страсти. И кому понадобилось убивать эту серую мышь? – и, не получив быстрого и содержательного ответа от подружки, спросила: – Или ты что-то знаешь?

Арина усталым голосом ответила:

– Я, Нюра, даже не знаю, что тебе сказать.

– Ой, да на тебе лица нет! Пойдём я тебя до дома провожу. До нас, правда, ближе, можно было бы и к нам зайти, чайку попить. Да Елизавета Степановна уже дома, а она, знаешь, не очень-то меня жалует, будет всякую ерунду, как обычно, собирать.

Нюра кожей почувствовала, что Арина не хочет поддерживать с ней разговор, видно, обижена на подружку сильно, продолжила:

– Не злись на меня. Я знаю, что неправда. Но какая-то обида на меня накатила в тот день. Свекровь Елизавета Степановна и так при каждом удобном случае намекает, что Костик достоин был большего. А вот я, вертихвостка, встала на его пути, да ещё детей специально нарожала одного за другим, чтобы он бросить меня не посмел. Придирается ко мне постоянно: то не так стираю, бельё не проглаживаю должным образом, то готовлю неправильно, то детей сильно балую. И часто эти словоизлияния с её стороны происходят прямо при детях. Можешь себе представить, что она им может наговорить, пока меня дома нет?

– Ну не враг же она своим внукам? – попробовала вступить за тётю Лизу Арина.

– Ну, внукам, может быть, и не враг, а мне, чувствую, злейший враг, – ответила безапелляционно Нюра на вопрос Арины и продолжила: – В тот день, ну помнишь, когда ты приехала? Так вот, в тот день Елизавета Степановна была не в духе. А не в духе, надо отметить, она бывает через день да каждый день. Стоило нам только вернуться домой, она стала к Костику с расспросами приставать.

Нюра смешно строила несуразную мину, выпятила губы вперед и скрипучим голосом, стараясь передать ехидную интонацию свекрови, передразнивая, проговорила:

– Встретили Аришку? Ну и как она, сильно изменилась? Она ещё девчонкой симпатичной была... А теперь-то, наверное, вовсе красавицей стала. И какая молодец: и профессию получила, и замуж не торопится. – Нюра вернула выражение лица в нормальное состояние и продолжила повествовать: – Костик не стал мать до конца слушать, как всегда, усмехнулся и вышел. Это я потом поняла, что он к нашему строящемуся дому пошёл, тоже мечтает от родителей быстрее съехать. Видит, что мне неприятны все эти разговоры. Я, чтобы её не слушать,

хотела хоть в огород, что ли, пойти, но свекровь опередила меня, схватила зачем-то корзинку и выскочила из дома. Мне пришлось дома остаться, дети играли в детской комнате, не оставлю же я их одних.

«Всё правильно, тётя Лиза мне с корзинкой в руках встретилась, когда я возвращалась домой», – перед глазами Арины всплыла свекровь Нюры.

– Ну а когда Елизавета Степановна вернулась, – продолжала Нюра, – Костик ещё дома не появился, и я пошла его встретить. Подходя к нашему дому, я видела, как ты полетела с лестницы. Но у меня было такое гадкое настроение, что я вылила его на вас с Костилом. Ты уж на меня не сердись, подруга.

Девушки шли не спеша, но все же не заметили, как подошли к дому тётя Клавы. Дверь была на замке, и Арина, зная, где спрятан ключ от замка, полезла рукой под ступеньку крыльца.

– Куда-то хозяйка далеко ушла, раз дом на замок закрыла, – удивленно проговорила Нюра.

– Точно, – словно что-то вспомнив, ответила Арина. – Тётя Клава сказала, что в обед на автобусе в район поедет и вернётся только завтра утром. Так... Где же телефон? – торопливо проговорила Арина, роясь в сумочке и вытаскивая затерявшийся мобильник.

Девушки вошли в тёмные сени, кое-как нащупали дверь в дом, и Арина с трудом, подсвечивая себе фонариком мобильного, нашла, где находится выключатель, и включила свет.

Арина быстро нашла в контактах номер телефона хозяйки, но получила из трубки ответ:

– Абонент находится вне зоны действия сети.

– Чёрт, – Арина недовольно отбросила телефон на стол и включила чайник.

Нюра, пристально наблюдавшая за действиями подруги, наконец, не выдержала и попросила:

– Да расскажи ты толком, что происходит? Зачем тебе вдруг Клавдия Захаровна понадобилась?

– Зачем-зачем, – озабоченно буркнула Арина, но все же пояснила: – Сегодня Танеева тоже собиралась именно в обед на автобусе в район поехать. Вот я и хотела выяснить, вместе они ехали или нет.

– Арина, ответь мне, пожалуйста, ты когда успела подружиться с Анной Андреевной?

– Мы познакомились в школьной библиотеке... – Арина опять о чём-то задумалась.

– Ну-у-у? – поторопила её Нюра. – Познакомились – и что дальше?

– Да ничего особенного, она меня пригласила в гости, и я вчера вечером у неё была. Мы побеседовали на исторические темы...

– Вот-вот, – перебила Нюра подругу. – Она меня тоже частенько в гости зазывала, когда мы на стройке своего дома с Костей находились. Я всё обещала, обещала... да так и не собралась к ней зайти. Работы-то, сама понимаешь, невпроворот, всё некогда... А вот наши педагоги почти все у неё перебивали, да не по одному разу. С нашей усадьбы её дом как на ладони, хорошо просматривается. Я всё ещё удивлялась, чем она их так собой заинтересовала, мышья серая. И интеллектом не блещет, просто диву даюсь.

Арине очень хотелось поделиться рассказом, услышанным от библиотекаря, о яйце Фаберже, но она так и не решилась поведать Нюре о разговоре с Танеевой. «Пусть всё идёт своим чередом, – нашла для себя верное решение девушка. – Нюра начнёт лезть с расспросами, а я что-то так устала, что переживать заново разговор с Танеевой пока не хочу».

Девушки неспешно, почти молча, попили чай, и Арина проводила подругу до калитки. Закрыла калитку на железный крючок и неторопливо пошла к дому.

На улице смеркалось и пахло дождём. Девушка вошла в дом и прошла в свою комнату. Ей вдруг показалось нестерпимо душно, она открыла форточку и легла, не раздеваясь, на кровать, свернувшись клубочком. Мысли потекли ровно, сознание затуманилось, и Арина не заметила, как провалилась в сон без сновидений.

Её пробуждающийся слух уловил тихое постукивание в оконную раму. Девушка открыла глаза, прислушалась, стук не прекращался, и она села на кровати, поджав колени к подбородку. Мимо окна прошёл силуэт человека с чем-то объёмным на голове. Арина вдруг с ужасом вспомнила, что дома одна, и подтянула коленки к подбородку сильнее.

Силуэт широкоплечего человека подошёл к окну и опять тихонько постучал по стеклу. Арина боялась себя обнаружить, сидела, не шелохнувшись, тише воды ниже травы, и дрожала. Темная фигура стояла неподвижно, словно выжидала что-то, и медленно удалилась от окна. Девушка посидела ещё какое-то время неподвижно, затем резко соскочила с кровати, захлопнула форточку и задёрнула плотные шторы. Вернулась на место, взяла плед и, закутавшись в него, легла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.